

Представители этого течения, сохраняя, повидимому, все основные положения стригольничества об отрицании духовенства, иночества, церковных таинств и обрядов, в то же время пошли в своих взглядах гораздо дальше.

Если стригольничеству XIV в. была присуща мысль о ненужности, нецелесообразности заукояных молитв, вкладов по душе и всей обрядности, связанной со смертью человека, то представители левого крыла псковских стригольников XV века, отталкиваясь от этой мысли, пришли к чрезвычайно смелому заключению: подобно древним Садукеям, они не верили в воскресенье мертвых! Логическим следствием этого неверия должно было быть отрицание таких важнейших представлений христианской религии, как представления о страшном суде, а также о рае и аде, ибо если нет воскресенья мертвых, значит некого судить и некому итти в рай и ад; эти компоненты потустороннего мира становятся абсолютно бессмысленными, а вместе с ними теряет всякий смысл и право на существование и весь потусторонний мир. Мы не знаем, сделали ли стригольники этот крайний, но совершенно логический вывод, — источники об этом нам ничего не говорят, — но и того заключения, до которого они дошли — об отрицании воскресения мертвых — совершенно достаточно для того, чтобы судить об исключительно высоком взлете их мысли. Ведь философской основой отрицания воскресения мертвых является материалистическое представление о реальности лишь земного материального мира. Стригольники, сами того не сознавая, выступали как стихийные материалисты.

Повидимому, о стригольниках левого крыла идет также речь в одном отрывке из последней обличительной грамоты Фотия, датированной 23 сентября 1427 года. Поскольку в этом отрывке содержится чрезвычайно интересный материал, мы позволили себе привести его целиком: „А как ми пишете о тех помраченных, что како тие стригольници, отпадающе от бога и на небо взирающе беху, тамо отца собе нарицають: а понеже бо самых того истинных евангельских благовестей и преданей апостольских и отечьских не верующе, но како смеють, от земля к воздуху зряще, бога отца собе нарицающе, и како могут отца собе нарицати? А убо ослепи их помрачение их. А весте, еже не ангелы-бог сведе роду человеческому на исправление, но человек достоверных, святителей и архиереи постави, и иереи, и свою власть от апостолов тем дарова; и се паки и по божественному писанию весте от апостол, еже бог наш на небеси и на земли. И котории тие стригольници, от своего заблуждения, не имуть чисте веровати православия истинного, ни к божьим церквам, к небу земному, не имуть быти прибегающе, и на покаяние к своим отцем духовным не имуть приходи: и якоже убо преже к вам писах, и ныне пишу, удаляйте себе от тех в ясты и питыи, и казньми (только не смертными, но внешне казньми и заточеньми) приводяще тех, да будут в познание и обращение к богу“.¹

Среди обвинений, которые Фотий предъявлял стригольникам, обратим внимание на два: во-первых, Фотий обвинял стригольников в том, что они „отпадающе от бога и на небо взирающе беху, тамо отца собе нарицають“, во-вторых, он ставил в вину им то, что они „истинных евангельских благовестей и преданей апостольских и отечьских не верующе“. Итак, по словам Фотия, стригольники „отпадали“ от бога. Нам кажется, что эти слова следует понимать в том смысле, что представление о боге, которое существовало у еретиков, существенно отли-

¹ РИБ, VI, № 56, стр. 484—485.